Данияр Сугралинов
Кирпичи

Данияр Сугралинов

Кирпичи

«Сугралинов Данияр»
2013

Сугралинов Д. С.

Кирпичи / Д. С. Сугралинов — «Сугралинов Данияр», 2013

Это книга про нашего с вами современника, молодого человека по имени Сергей Резвей. Ему нет ещё и тридцати лет, но уже кажется, что жизнь не удалась. Как найти в себе силы бороться, если ты этого просто-напросто не умеешь? Как добиться уважения коллег, соседей, друзей, если и сам привык считать себя ничтожеством? Как найти настоящую любовь? Ответ прост: нужно захотеть. И кирпичик за кирпичиком, падая и поднимаясь снова, выстраивать свою судьбу.

© Сугралинов Д. С., 2013
© Сугралинов Данияр, 2013

Содержание

От автора 5
Инициация 6
Кирпич первый 10
Кирпич второй 14
Кирпич третий 18
Кирпич четвёртый 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Данияр Сугралинов
Кирпичи

От автора

История Сергея Резвея, нескладного рекламщика, которому чуть под тридцать, не имеющего ни друзей, ни подруг, была написана мной осенью 2004 года.

Началось всё с главы «Инициация», которая должна была стать небольшим рассказом и закончиться суицидом хомячка, возомнившего себя львом.

К моему удивлению, герой вызвал симпатию у циничной публики контркультурного ресурса udaff.com, где была выложена первая глава под названием «Кирпичи-1». Ведь я даже не знал, как назвать то, что у меня получилось, и озаглавил эту первую главу в честь моей любимой на тот момент питерской рок-группы «Кирпичи».

Читатели сайта потребовали продолжения и новых приключений из жизни офисного планктона, и я написал вторую главу. После второй – третью.

К пятой главе о «Кирпичах» заговорили в Рунете. Начались многочисленные перепечатки. Читатели в комментариях делали ставки на то, как повернётся сюжет, чем закончится книга.

К десятой главе мне позвонили из одного издательства и предложили выпустить книгу.

Ирония судьбы, но прошло почти десять лет, прежде чем книга «Кирпичи» вышла в свет, да и то в качестве электронной.

Эта версия первых «Кирпичей» – каноническая, если не считать редакторских правок. В ней сохранены ход событий, герои и их характеры, сюжетная линия.

Это та самая история, которая… Впрочем, читайте сами.

За это время читатели прислали мне десятки тысяч писем и сообщений о том, как им понравилась книга, и как было бы здорово, если бы история продолжалась.

Я счастлив сообщить, что история Сергея Резвея теперь имеет продолжение.

Но прежде чем искать «Кирпичи 2.0», прочтите, с чего всё начиналось.

Инициация

– Ты в магазин? Купи мне шоколадку, Резвей, – попросила Лида, – пожалуйста!

Что? Так подставить, а теперь спокойно о чём-то меня просить?! Лидка Фрайбергер, несмотря на сложившийся стереотип о некрасивых немках, отличалась сногсшибательной внешностью. Она это знала и – хуже всего – вовсю этим пользовалась.

Народ в офисе дружно оскалился. Всем интересна моя реакция. Чёрт!

Шеф дал нам проект. Свою часть проекта я выполнил, а наша деловая стрекоза Лидочка, занятая куда более важными делами, не успела. И ладно не успела да покаялась – шеф побурчал бы, но продлил срок. Так нет!

Утром, на планёрке, не моргнув глазом, заявила: «Михаил Степанович, выполнение проекта задержано по вине Резвея, не собравшего в срок данные по заказчику». Резвей – это моя фамилия.

От такого коварства я, безгранично удивлённый, застыл как парализованный.

А Степаныч, старый хрыч, внимательно изучив длиннющие Лидкины ноги, заканчивавшиеся где-то на уровне его груди, вынес вердикт:

– Проект закончить до завтра, Резвея лишить квартального бонуса.

В общем, послать Лидку в далёкие края или принести шоколадку – так вопрос не стоял. Первое сделать не позволяли врождённая робость и воспитание. Оставалось второе. Но вопрос в том, как бы ответить, окончательно не растеряв остатки гордости. Если бы мы с Лидкой были одни, я легко бы согласился, но коллектив, до этого сосредоточенно кликавший мышками, замолк в ожидании.

Подумав, я нашёл, казалось бы, компромиссное решение:

– Хорошо, но с тебя чашка горячего кофе к моему приходу.

– Вот ещё, разбежался, – скривила она губы, – не маленький, сам нальёшь.

Такого ответа надо было ожидать. Сам не пойму, с чего вдруг мне показалось, что Лида захочет меня выручить. Где-то в углу программистов послышался отчётливый смешок. Это Саня Бородаенко не сдержал презрения. Он вообще всех презирал, а меня – особенно.

– Резвей, и мне сигарет купи! – заорал стажёр Панченко.

– А мне щенка, кроссовки и барабан! Ладно, Резвей? С получки отдам! – Бородаенко не удержался и проявил остроумие.

* * *

Шёл дождь, чавкающая грязь при каждом шаге взлетала вверх и норовила приземлиться мне на штаны. Моросящий дождь заставлял жмуриться, а это при моём плохом зрении плюсов в ориентации на местности не давало.

Коммунальные службы перекопали участок дороги возле офиса, сменили трубы, но вновь заасфальтировать забыли. Местность напоминала колхозное поле после уборки урожая.

Мимо с гудением пронёсся грузовик, водитель которого весело погрозил мне кулаком. Штаны и куртка вмиг оказались облеплены комьями слякоти, а сопутствующие водопады грязи залили очки и лицо. В голову упорно лезли мысли о ковровых бомбардировках. Настроение ухудшалось, хотелось кого-нибудь убить.

Цель, ради которой я вышел из офиса, явно не стоила всех мучений. Разболелось горло, и мне хотелось смягчить его какими-нибудь леденцами. До продуктового магазина недалеко, но чёрт меня дёрнул рискнуть выйти в такую погоду из офиса!

В магазине душно. Остановившись у витрины с колбасами, я снял очки и протёр их платком. Вытер лицо, вернул очки – жизнь стала налаживаться. За кассой стояла женщина лет сорока, очки в роговой оправе грозно сверкали, а копна обесцвеченных волос превращала продавщицу в пришельца из восьмидесятых. На меня пришелец не обращал никакого внимания.

Пока я приводил себя в порядок, в магазин зашёл ещё один покупатель. Тяжёлые ботинки, облепленные грязью, щетина и короткая причёска – молодой парень, классический рабочий класс. Зал магазина заполнил запах перегара и пота.

– Бутылку водки и два пива! – на удивление приятным голосом попросил парень.

– Какое именно пиво?

– Мне «Самурай», а вот этому… – здесь он обернулся ко мне. – Тебе какое «Клинское», чудик? И зовут-то тебя как?

«Эх! – пронеслось в голове. – Неудобно отказываться!».

– Мне, пожалуйста, «Арриву». А зовут меня Резвей.

– Слышали? «Арриву» ему! И пару пластиковых стаканчиков! – бросил он продавщице и снова обернулся ко мне. – Очень приятно, Резвей! Меня Лёхой зовут! Верняк – моя фамилия!

– Я, конечно, извиняюсь, Лёха, но чем вызвано угощение?

– Братуха, так ты получается сам себя извиняешь, что ли? – поинтересовался Лёха.

– В смысле? – не понял я.

– Ну, вот смотри. Я умываюсь – значит, я умываю сам себя, да? Получается, ты извиняешься перед самим собой?

– Ме-э-э, – промычал я, – ну, так же говорится… Извините.

– Вот, это уже по-русски. А повода нет: просто увидел хорошего человека и захотелось его угостить.

Он расплатился с продавщицей и кивком показал мне следовать за ним. Я совсем забыл и про леденцы, и про Лидкину шоколадку – без сомнений двинул вслед за Лёхой. Его уверенная походка, расправленные плечи и высоко поднятая голова невольно внушали уважение. Мы вышли из магазина. Дождь не прекращался.

– А куда пойдём-то?

– Да сядем сейчас на лавочке в скверике, тут недалеко.

– А дождь?

– Ты что, промокнуть боишься?

Желание задавать вопросы испарилось. Действительно, почему бы и не промокнуть? Мы шли молча, и всю дорогу я задавался вопросами: что я делаю, куда иду с этим человеком? Я искал объяснений и не находил их. Разум подсказывал, что надо вернуться в магазин и купить необходимое, всё то, что заказали ребята из офиса, где меня через минут двадцать по закону подлости начнут искать. Но желания возвращаться не было.

* * *

Дождь выполнил свою миссию и прекратился. Из-за облаков выглянуло солнце. В сквере пусто.

Лёха сел на мокрую скамейку, всем своим видом продемонстрировав, что его не заботят такие мелочи. Я робко примостился рядом. Открыли пиво. Пить холодное пиво на улице при такой мерзкой погоде большого удовольствия не представляло.

– Как пиво? – спросил Лёха.

– Пиво как пиво, – пожал я плечами, – холодное.

– Ясно. Ну, рассказывай! – после небольшой паузы велел Лёха.

– О чём?

– Как о чём? Чем живешь, чем дышишь? Кто ты вообще такой?

Потребность высказаться и выпитое на голодный желудок пиво развязали мне язык. Полчаса моего сбивчивого монолога, и Лёха знал обо мне всё. Какими-то ненавязчивыми вопросами и глубокомысленным хмыканьем он направлял мой рассказ и, дослушав, подвёл итоги:

– Итак, Сергей Резвей, двадцати семи лет, жены нет, родители далеко, девушки тоже нет, работаешь рекламщиком. Работой доволен, но в коллективе авторитетом не пользуешься. Зачем живёшь-то, Серёга? В чём смысл?

– Смысл? Жить.

– Жить, чтобы жить? Серьёзно? Ну, ты даёшь, старик! Наверняка у тебя есть какие-то мечты, планы, цели. Проблема в том, что ты пытаешься угодить всем, зачастую в ущерб себе. Всё, что тебе нужно для счастья, – это осознать, что все твои мечты вполне исполнимы, и зависит всё только от тебя. Стань эгоистом, в хорошем таком смысле. Наберись здоровой наглости. Будь грубее и не бойся казаться невоспитанным: сейчас воспитанные люди не в моде! Перестань через слово вставлять «пожалуйста» и «извините». Отвечай односложно и предельно конкретно. Если хочется ответить «нет», скажи: «Нет – и точка!». Забудь о воспитании: в этом мире выживает не самый воспитанный, а самый наглый. Стань хамом: хамство упрощает взаимопонимание. Уяснил?

– Вроде.

– А теперь запомни: всё вышесказанное относится только к тем, кто пытаются тебя использовать. Неважно: родственник ли это, шеф, коллега или просто случайный прохожий. Вот простой пример: ты спешишь на работу, но тебя останавливает прохожий и стреляет сигарету или огня, неважно. Как ты поступишь?

– Конечно, дам сигарету, – не задумываясь, ответил я.

– И опоздаешь на работу?

– Да нет, это же не займёт и минуты.

– А отказать не займёт ни секунды! Представь, что по дороге на работу тебе встретились несколько прохожих, стрелявших курево. Представил? Останавливаешься, вытаскиваешь пачку, открываешь, протягиваешь, дожидаешься, пока прохожий вытянет сигарету, кладёшь пачку на место, достаёшь зажигалку… Не успел на автобус. Опоздал на работу. Доступно?

– Да вроде.

– И вот ты опаздываешь на работу, что, несомненно, не приводит руководство в восторг. При таком подходе рано или поздно твои опоздания приведут к увольнению или лишению премии.

– Да меня и так уже лишили премии…

– Вот видишь! Длинноногая девочка Лида живёт себе припеваючи, гуляет, работу выполняет не вовремя, а что в итоге? Ты без премии, она – на коне, совесть не мучает, над тобой посмеивается, ещё и гордится своей находчивостью… Стерва?

– Она не стерва, она хорошая, – почему-то поправил я.

– Так ты к ней неравнодушен? – изумился Лёха. – Ха! Думаешь, если и дальше позволишь ей ездить на себе, то она и ноги раздвинет?

– Ну, ноги не ноги, но…

– Знай, Резвей, что нормальная баба никогда не будет не то что спать, а даже встречаться с неуверенным рохлей. Тем более, такая, как она. Зачем ей с тобой встречаться, если ты и так под неё стелешься? – Лёха на секунду призадумался, а потом воскликнул: – Да тут же поле непаханое! Слушай, а что ты со мной-то пошёл? Тебе же на работу надо было возвращаться?

– Э-э-э…

– Короче! Я не я, если не сделаю из тебя мужика! Вот номер моего сотового, – сказал Лёха, протягивая мне визитку. – Позвони мне после работы: попьём пива и продолжим беседу. А сейчас иди в офис и попробуй хоть в оставшееся рабочее время быть мужиком!

С этими словами он встал и направился к магазину. Я повертел его визитку – дорогая тёмно-зелёная бумага и белым шрифтом надпись: «Алексей Верняк».

Кирпич первый

Жора, вахтёр и охранник в одном лице, расплылся в улыбке. Представив себя в данный момент, я понял, какое зрелище представляю: мокрые встрёпанные волосы, нелепые очки, грязная одежда и визуально увеличившиеся в размерах за счёт налипшей грязи туфли.

«Ну, что же, хоть кому-то я сделал приятное, хоть кого-то развеселил», – подумал было я. Но, вспомнив Лёху, неожиданно даже для самого себя ляпнул:

– Чего лыбишься, идиот?

Жора застыл с оскаленным ртом, уголки рта поползли вниз, а в глазах появилось изумление. Не дожидаясь, пока он опомнится, я прошмыгнул мимо него на лестницу. К последствиям собственного поступка я пока готов не был. Опомнившийся Жора прокричал вслед: «Ты чё, гнида!..» – но дальнейшего обращения я не услышал. Возможно, Жора взывал к моей совести, а может, просто хотел объяснить, что он улыбался вовсе по другой причине. Кто знает. Лично я склонялся к версии о том, что Жора хотел максимально доступными методами внушить мне неприемлемость моей линии поведения без должного к нему, Жоре, уважения. Проще говоря, дать мне по шее.

Да, пробыть даже полдня «мужиком» без должной подготовки, а тем более не подкреплённой возможностью физически обосновать свои слова, – тяжело.

Поднявшись на второй этаж, где находился офис нашей фирмы, я зашёл в туалет и привёл себя в порядок: снял очки, почистил одежду, вымыл руки, умылся. Вгляделся в зеркало: обычный парень, серые глаза, короткие русые волосы… На лбу – шрам в виде молнии. Ха-ха, шучу. Шрамов нет и не было не то что на лбу, вообще ни на какой части тела. Драться – никогда не дрался, а от жестоких порезов и падений Бог миловал. В общем, важнейшая часть в моей жизненной подготовке была упущена, а что-то навёрстывать в двадцать семь лет – поздно. Или ещё не поздно?

Жил я по принципу: «Все люди хорошие, пока не докажут обратное». Если же люди «доказывали обратное», я в очередной раз разочаровывался в этом мире, впадал в апатию и терял вкус к жизни. А потом просто переставал с «доказавшими обратное» общаться.

Встав у окна, я закурил. Втягивая сладкий дым «Мальборо» вкупе со свежим октябрьским влажным воздухом, я ещё раз вспомнил разговор с Лёхой. Странно, но в тот момент я не задавался вопросами: кто этот человек, зачем он завёл со мной разговор и учил, как жить? Его тезисы доказательств не требовали: моя паскудная жизнь была живым примером, что так себя вести нельзя.

Пора менять принципы. Отныне все люди для меня – сволочи и скоты. Пока не докажут обратное.

* * *

Перед тем как войти в отдел, я расправил плечи, распрямил спину. Сняв куртку, подошёл к своему рабочему месту. По экрану монитора лениво летало звучное слово «Чмо». Чёрт. Ещё пару часов назад я бы на такую выходку не обратил внимания, наоборот, угодливо посмеялся бы над этой «невинной шуткой». Но сейчас следовать традициям не хотелось.

Я оглядел присутствующих и тихо спросил:

– Кто это сделал?

Лидка, взглянув на меня, фыркнула.

А Панченко визгливо выдал:

– Резвей! Явился – не запылился! Купил Лидке шоколадку? А мне купил сигареты? Те, что нужно, купил?

Народ оживился. Всем хотелось шоу. Из-за мониторов повылезали уже готовые к весёлому хохоту лица. «Значит, шута нашли? – зло подумал я. – Ну, будет вам шоу!». Самое главное – это голос, а голос у меня тихий. «Раз громко говорить не получится, придётся орать», – решил я.

Набрал полную грудь воздуха и закричал:

– Тебе, Панченко, не о куреве надо думать, а о том, пройдёшь ли ты испытательный срок! Стажёр, твою мать! Где маркетинговое исследование? Ты его ещё на прошлой неделе должен был подготовить!

– Серёга, да ладно тебе, ты чего это?

– Серёга? Да какой я тебе Серёга?! Сергей Александрович, твою мать!

Я выдохся и замолчал. Что дальше говорить, не знал. Высказать то, что давно накипело, – проще. Оскорблять и хамить специально я пока не умел.

Стало тихо. Коллеги перестали клацать кнопками клавиатуры, и лишь мерное гудение кулеров повисло в офисе. Даже непомерно толстый копирайтер Левон Гараян перестал жрать бутерброд и с открытым ртом уставился на меня.

Чрезмерное внимание меня завело посильнее дешёвых требований Панченко:

– Чего уставились? Работать!

Нет, работать никто не кинулся. Все с каким-то новым интересом рассматривали меня, словно пытаясь понять, что такого изменилось в Резвее? В глазах любопытство и небольшая тревога, лица напряжены.

Тишину нарушил писклявый вопль Панченко:

– Да он же пьяный! Набухался!

Моментально все понимающе заулыбались, с облегчением закивали головами. Люди страшатся необъяснимых вещей, а причиной истерики Резвея оказалось лишь его нетрезвое состояние. Гараян продолжил трапезу. А я стоял, не зная, куда себя деть, краска заливала лицо. Наконец, сел, в душе проклиная собственную недогадливость: «Дирол» бы предотвратил подобное развитие событий.

Панченко, упиваясь собственной победой, продолжил разоблачительную речь:

– А я ещё думаю, от кого перегаром-то несёт? Думал, может, это спирт Бородаенки, которым он свои компы протирает? Смотрю – нет, Бородаенке вообще всё по фигу…

– Слышь, ты, салага! – встрепенулся Саня Бородаенко. – Для тебя я Александр Витальевич!

– Ага, – кивнул Панченко, – смотрю, а Александру Витальевичу всё по фигу. Он соизволил в «Сапёра» поиграть и не до спирта ему. И тут я понял! Это ж от Резвея прёт: пришёл весь в грязи, как будто в канаве искупался, перегаром несёт и истерику тут устроил…

– Заглохни, Панченко, – сквозь зубы произнесла Лидка.

Панченко удивлённо на неё посмотрел (как же так, для вас же стараюсь, блин, развлекаю!), но заткнулся.

Лида посверлила меня изумрудными глазами и тихо спросила:

– Серёж, ты мне шоколадку купил?

– Нет, Лида, извини.

– Ну, и ладно, до обеда уже чуть-чуть осталось.

И улыбнулась! Вот зараза-то, а?

* * *

В столовой за столом я сидел в гордом одиночестве. Кто же знал, что одна выпитая на голодный желудок банка пива даёт такой эффект! Перегар похлеще, чем после бутылки водки! И объяснять я никому ничего не стал.

Сосредоточенно и спокойно хлебал борщ (аппетит после пива проснулся зверский!) и прислушивался к окружающим столикам.

Краем уха я слышал, как Панченко рассказывал утреннюю историю. Девчонки из дизайнерского отдела громко заливались смехом, периодически поглядывая на меня. «Бывают же люди, трезвыми слово боятся вставить, а как выпьют – так на людей с топором кидаются! Вот и Чикатило такой же был», – донеслось до меня.

А после обеда меня вызвал Степаныч. Красный от гнева, он громыхал около получаса:

– Пьяный на работе! Это же ЧП! Устроил истерику в отделе, накричал на Панченко! Радуйся, что генеральный тебя ценит, я бы на его месте дал тебе пинка под зад и уволил за пьянку! Теперь мне понятно, почему у нас заказы в срок не выполняются! В отделе у вас чёрт знает что творится! Программист в игрульки играет, копирайтер жрёт весь день, вместо того, чтобы сценарии писать, а ты прям на рабочем месте водку пьянствуешь? В общем, минус пятьдесят процентов из месячного оклада! Это будет тебе уроком. И чтобы я тебя сегодня больше на работе не видел! П`шёл вон!

И я п`шёл. Поднялся к себе, взял куртку, сохранил документы, выключил компьютер. Потом прокашлялся, привлекая к себе внимание, и сказал:

– Ребята! У нас в отделе появился стукач. Маленький такой стукачок по фамилии Панченко. Знайте, что всё, что здесь происходит, этот маленький крысёныш доносит Степанычу.

Панченко спрятался за монитором. Обвинение в стукачестве – гораздо серьёзнее, чем мой перегар. Я оделся, громко попрощался со всеми.

Выходя, услышал за спиной строгий голос Лидки:

– Панченко, до вечера жду результаты маркетингового исследования. Не будет – пощады не жди!

Я улыбнулся. Несмотря на штрафные санкции Степаныча, настроение было отменным. Домой! Чай с лимоном и малиновым вареньем, молоко с мёдом, тёплая ванна и крепкий сон до вечера. А вечером… Вечером я наконец-то наберусь смелости и приглашу Лидку в кино. В кино ли, в ресторан ли – неважно. Главное – попробовать. Попытка – не пытка. А откажет – не беда, попью пива с Лёхой.

* * *

Мои приятные размышления прервал резкий голос вахтёра Жоры:

– Резвей, ещё раз что-нибудь подобное скажешь, я тебя удавлю. Понял? Скажи спасибо, что нетрезвый ты был. Видимо, на пьяную голову совсем страх потерял.

Сердце застучало сильнее, прошиб пот. Вот они, последствия. Хочется ответить достойно, но наглым быть опасно, можно и по шее получить. Можно… И тут я понял, что получить по шее не боюсь. Наоборот, хочется довести этого дебила с амбициями Жору, да так, чтобы он кинулся с кулаками. А там… А там посмотрим по ситуации.

– А с чего ты решил, что я был нетрезв, Жорик? С банки пива ещё никто не пьянел. Расскажи мне лучше, как ты меня удавишь, когда я тебя на хрен пошлю? Будешь ли ты использовать для этих целей бельевую верёвку? Или обойдёшься гитарной струной? А, извини, ты же слишком туп, чтобы удавить меня так сложно. Скорее всего, ты удавишь меня простейшим

способом, а именно: руками, путём сдавливания моей шеи пальцами, вследствие чего я прекращу жизнедеятельность от механической асфиксии. Да?

– Да я… Я тебя собственными руками закопаю! – оторопевший Жора прохрипел это так, словно уже не он, а его кто-то пытался задушить.

– Дружище, так ты определись: удавишь или закопаешь?

Ответом было молчание. Жорик насупился. Ещё бы! Его уволят за избиение сотрудника компании. Это понял я, и изначально знал сам Жорик. Все его угрозы были бравадой.

Выходя из офиса, я чувствовал на себе его угрюмый взгляд. Что говорить, не хотелось бы мне встретить Жору вне стен офиса.

Но всё-таки сегодня заложен первый кирпич моей крепости. Крепости, которая символизировала мои новые отношения с миром.

Кирпич второй

– Лопата! Более десятка ошибок, и это на первом-то этапе! – Лёха, казалось, взволнован и обеспокоен после моего рассказа о второй половине дня. – Тяжёлый случай!

Лидке позвонить я так и не решился. Хотя после горячего чая с лимоном, засыпая под тёплым верблюжьим одеялом, присланным ташкентскими родственниками, я мечтал поскорее проснуться, чтобы позвонить ей. Но очнулся я в десятом часу вечера, а звонить так поздно не позволяло воспитание.

Ох уж это воспитание! Эти рефлексы и привычки, заложенные заботливыми родителями и доведённые до автоматизма! Ё-моё, знали ли вы, мои милые папа с мамой, к чему приведут эти вечные нравоучения? Знали ли вы, насколько прочно они осядут в моей голове, принося мне сплошные унижения и оскорбления? Империя зла – СССР – воспитала прекрасное поколение: романтичные, умные и добрейшие натуры. Вот только им никогда не выжить в этом мире.

– Ты пойми, чудила, я тебе не мессия и не добрый дядя Стёпа, который пришёл и решил все твои проблемы. Я лишь рассуждаю, а все мои рассуждения по умолчанию спорны и уместны лишь в какой-то данной конкретной ситуации, – продолжал Лёха лекцию. – Твоя задача – уловить суть, принять её за основу для линии поведения и претворить в жизнь. Понял?

– Понял.

Кое-что я усвоил чётко. Жизнь – это череда маленьких и больших стимулов, между которыми – путь. Путь к цели. Есть цель. Есть стимул – добиться цели. Простейший пример: я лежу на диване и смотрю телевизор. Захотелось в туалет. Облегчиться – это стимул. Это очень сильный стимул, особенно после трёх – четырёх бутылок пива. Так вот, чтобы добиться цели (получить удовольствие от опорожнения мочевого пузыря), мне надо встать и пройти в туалет. То есть имеем цель – облегчиться; стимул – чтобы больше в туалет не хотелось; план выполнения задачи – встать и дойти до сортира. И если стимул перевешивает лень и неохоту, то мы движемся к цели. Поэтому очень важно ставить перед собой хорошие стимулы и реальные цели.

– Молодец. Давай рассмотрим твои ошибки.

Когда я не решился позвонить Лиде, я позвонил Лёхе.

Он сразу ответил и радостно завопил:

– Мужи-и-ик!

Стандартный вопрос:

– Как дела?

И не менее стандартный ответ:

– Всё нормально!

Договорились встретиться в «Кирпичах»: маленьком пивном баре около моего дома.

Как же я удивился, когда из подъехавшего джипа представительского класса вылез улыбающийся Лёха. Я в который раз убедился в ложности стереотипов. Я-то думал, что это какой-то работяга-обыватель, с бодуна решивший меня угостить пивом. Ничего подобного! На таких машинах работяги не ездят.

– Итак, ошибка первая, которую ты и так, наверное, сам осознал. Ты позволил себе иметь легко выявляемое слабое место: появился в офисе с запахом перегара. Никогда не позволяй другим выявлять свои слабости! Ахиллес, знаешь, как погиб? Вот! Так и здесь: ты неуязвим, пока кажешься неуязвимым!

– Угу, – хмуро согласился я. Никому неприятно, когда его тыкают мордой в свои ошибки.

– Не угукай! Не хмыкай, выражайся чётко. «Да», «понял». Я серьёзно. Ошибка вторая. Ты же слышал, что охранник орёт тебе вслед что-то нелицеприятное? Последнее слово должно всегда оставаться за тобой. Ошибка была в том, что ты не вернулся.

– Так вернулся бы я, и что?

– В том-то и дело всё, Серёга! Человек, убеждённый в том, что ты не ответишь, будет тебе вслед говорить всё, что угодно. И чисто психологически победа будет за ним! Это же классический приём толстых тёток с рынка: вы будете орать друг другу в лицо гадости, но когда ты посчитаешь, что дальнейшие препирания бессмысленны, и развернёшься, чтобы уйти, то услышишь вслед что-то типа: «А! Хлюпик! Ствол тебе в рот, и маме твоей туда же!». А ты – бац! И вернулся! И в лицо ей: «Что ты там, торговка рыночная, вякнула?».

Лёха так здорово изобразил базарных тёток, что я рассмеялся.

– Во. А пока она будет удивлена оригинальным развитием событий, ты, весь из себя гордый и красивый, спокойно покинешь место перебранки. Хотя… Мой тебе совет: с базарными бабами пока не пикируйся. Это высокий уровень, а ты и на первый пока не тянешь. Ясно?

– Почти. А что это за уровни такие?

– Да это я так, к слову. Просто представь, что нулевой уровень наглости, уверенности в себе и подвешенности языка, – это ты, а бабки с колхозного рынка – это уровень… так… шестой.

Пиво пилось очень легко. Я и не заметил, как официантка принесла уже по четвёртой кружке.

– Какие ещё ошибки я допустил? – спросил я.

Жизнь стала казаться какой-то квестовой компьютерной игрой, где очень важно без ошибок пройти уровень, поступая правильно.

– А жизнь и есть игра, Резвей, – улыбнулся Лёха.

– Не понял. Я что, думал вслух?

– Да нет, – смутился он, – у тебя просто все твои мысли по глазам читаются. Да не грузись, всё нормально, просто алкоголь расширяет сознание, и чтение мыслей нетрезвого человека становится простой задачей уже для третьего уровня. Ха-ха! Повёлся? Ерунда это всё, Серега, е-ру-нда! Невозможно прочитать мысли, можно лишь просчитать вероятность событий. Поверь мне, у выпившего человека не более десятка желаний, и мысли, соответственно, текут в том же ключе. И сейчас мы думаем об одном и том же, да? Что, по бабам?

– А есть? – с надеждой спросил я.

– Бабы всегда есть. Не бывает такого, чтобы их не было. В сауну поедем.

* * *

– Здорово, отец! Свободно чего-нибудь? – гаркнул Лёха.

«Отец», пожилой мужик с изборождёнными морщинами лицом, сидел на лавочке у сауны «Ихтиандр» и с превеликим удовольствием курил папиросу. Глубоко затянувшись, он благоговейно замер, а потом, выпуская клубы дыма, сообщил:

– Кажись, «люкс» свободен.

– Спасибо, отец. А невесты на выданье есть?

– Не, невест нет. Проститутки есть.

– Добро!

Удовлетворённый полученной информацией, Лёха зашёл в сауну. Я последовал за ним.

В приёмной за баром стояла симпатичная девчонка, которой я дал бы лет восемнадцать, если бы не её глаза. Пронзительные и в то же время, настолько блядские, что, казалось, нет в мире грехов, не виданных ими. На бейдже написано «Мария», и это имя очень подходило к её славянскому облику: синие глаза, светлые волосы, высокая упругая грудь и рост под

метр восемьдесят. Увидев нас, Мария заученно улыбнулась, поприветствовала нас и спросила, может ли она нам чем-либо помочь.

– Машенька, конечно, можешь! – ласково сказал Лёха. – Давай-ка нам «люкс» на пару часов и пару девочек. Только пришли самых лучших, ладно?

– «Люкс» хоть сейчас, а «самые лучшие» освободятся только через час. Работают.

– А ты не работаешь? – спросил я.

– У вас денег не хватит, – засмеялась Мария.

– Ладно, – произнёс Лёха, – тогда как освободятся, сразу к нам присылай.

Сняли «люкс», разделись, взяли простыни, тапочки и двинули в сауну. Большой деревянный стол в холле окружали такие же деревянные скамейки, в углу – телевизор и караоке. На столе – холодные бутылки с пивом, варёные раки, сухарики, орешки и сушёные кальмары, а также гигантская пепельница. Прямо по центру – небольшой бассейн, как позже выяснилось, с ледяной водой. В холле – ещё четыре двери: комната отдыха, она же комната для сексуальных утех; массажная комната; туалетная комната и, наконец, парилка.

– Резвей, ты как хочешь, а я сначала попарюсь. Спиртное до парной – смерти подобно.

– Ну, и я, как ты.

Попарившись, сели за стол. Открытое пиво зашипело, а пена попыталась вырваться на свободу. Почти успешно.

– Короче, переходим к третьей ошибке. К крику прибегай лишь в исключительных случаях. Ничто так не давит на оппонента, как спокойный и уверенный голос. Заорав на этого… Иванченко?

– Панченко.

– Ага, так вот, ты, заорав на Панченко, изначально поставил себя в заведомо проигрышное положение. К крику прибегают те, кто не уверены в собственной правоте, те, кто считают, что криком можно подавить противника. Суть в том, что тот, кто кричит, тратит силы на крик, а не на размышления над ответами. Поэтому в споре побеждает не тот, кто эмоции тратит на повышение громкости голоса, а тот, кто логично и обоснованно высказывает свою точку зрения на вопрос. Понял?

Я понял. Кивнув, я решился задать ему вопрос, который последнее время не давал мне покоя:

– Слушай, Лёха, а зачем оно тебе нужно? Благотворительность?

Лёха пожал плечами и ответил:

– Знаешь, Серый, придёт время, и ты сам всё поймёшь. А в том, что оно придёт, я теперь не сомневаюсь.

В дверь тихо постучали.

– Войдите! – заорал Лёха.

Дверь приоткрылась, а из-за неё появилась очаровательная мордашка:

– К вам можно?

– Нужно! – крикнули мы хором.

Девчонки зашли, заперли дверь и подошли к нам. Симпатичные. Не Фрайбергер, конечно, но под пиво – очень даже сойдёт.

– Лика!

– Оксана!

Представились они и сели за стол.

Кто сказал, что шлюхи все страшные? Те две, что зашли к нам, явно не из этой категории. Классический вариант: грудастая, с широкими бёдрами брюнетка Оксана, и стройная, высокая, но плоскогрудая блондинка Лика. Весело сверкающие глаза и искренние улыбки, свежая чистая кожа и приятный запах… Никогда не думал, что нынешняя продажная любовь – это такие вот ухоженные и весёлые молодые девчонки.

– Серёга, остальные ошибки выявляй сам! А на сегодня урок окончен, баста!

Последние слова Лёха произнёс, схватив и потащив Оксанку в комнату отдыха.

Лика взяла сигарету, я поднёс зажигалку, Лика затянулась. Потом она широко расставила ноги, поставив одну из них на лавочку, моментально приковав мой взгляд к своей промежности, и заговорщицки спросила:

– Ну, что, пиво будем пить или займёмся чем?

Вот это меня и поразило! В моё студенческое время девочки по вызову как могли, тянули время, рассказывая анекдоты или слезливые истории, лишь бы оттянуть момент того, ради чего всё и затевается. Теперь же сервис улучшился во всём, даже в этом крайне небогоугодном деле.

– Займёмся! – с энтузиазмом ответил я, стягивая с тела простыню.

Из комнаты отдыха уже доносились охи-вздохи и всхлипывания Оксаны. Мы с Ликой тоже не стали терять время.

Для мужчины секс с красивой девушкой во все времена служил чётким критерием успешности. Пусть даже и такой суррогатный.

Постройка моей личной крепости из теории плавно перетекала в практику. Первый кирпич оказался с браком и выкинут на свалку. На его место встал стройный ряд новых кирпичей, закалённых пламенем разбора ошибок и уверенности в собственной правоте.

Кирпич третий

Домой приехал вымотанный, под утро. Потом долго не мог уснуть, анализируя прошедший день. Да уж, денёк выдался нелёгкий! Поворочавшись в постели ещё минут двадцать, я понял, что сон не придёт. Холодный душ и лёгкий завтрак помогли восстановить силы. Прямо в трусах, замотавшись в плед, я вышел на балкон, свежий утренний морозный воздух вдарил в голову, а кожа покрылась мурашками. Холодно! Взял с собой горячий чёрный кофе, сигареты и лист бумаги с ручкой.

«Вжих! Вжих!» – дворники мётлами сгоняли с улицы опавшие листья.

Листья разочарованно разлетались и падали на асфальт, недовольно шурша. Машин пока мало, и воздух кристально чист. Внизу у беседки, обнявшись, стояла молодая пара. Уже с час, наверное, прощаются, а расстаться не могут. Мне бы так… Ладно, всё будет, главное – с намеченного пути не сбиться.

Итак, что мы имеем? Цель-минимум: добиться уважения и авторитета на работе, охмурить Лидку, подняться как можно выше по карьерной лестнице, заработать много денег. Цель-максимум: сделать мир лучше. А между минимумом и максимумом ещё сотни и тысячи мелких целей и задач, призванных привести меня к главной цели.

Много-много целей-кирпичей. Каждый Поступок, каждое Слово – это кирпич. А вот что строить из кирпичей: высокую и прочную крепость для защиты себя и близких или ступеньки лестницы к высокой цели – вот это и предстоит решить. Хочется, ох как хочется, чтобы моя страна, моя Родина жила лучше.

Наверное, каждому из нас хотелось бы ликвидировать преступность и коррупцию. Воздать должное врачам и учителям, сделав их зарплату такой, чтобы у них и мыслей не возникало зарабатывать другими способами. Восстановить армию да создать достойные условия жизни пенсионерам. В общем, построить рай на Земле или хотя бы в отдельно взятой стране. А что, нормальная мечта нормального человека. Хотя нет, какая это мечта? К мечте человек стремится, а о том, что я сейчас перечислил, говорят такие как я, рефлектирующие интеллигенты да работяги за бутылкой водки. Правда, первые говорят об этом трагично, вопрошающе, а вторые – со злостью и недоумением.

Вот только о каком рае может идти речь, когда у самого куча проблем? И не добиться максимальных целей без достижения маленьких целей.

А потому рай начну строить в отдельно взятой квартире. А ещё лучше – начну с самого себя.

* * *

– Люди большое значение придают твоему внешнему облику, голосу, поведению, осанке. Так что, Серёга, советую сменить эти китайские шмотки на что-то другое. Девушки внимательны к таким мелочам, с которыми ты давно свыкся и считаешь нормальным. Взгляни на свою обувь: грязная, нечищеная, с комками налипшей грязи.

Лил дождь, под давлением встречного воздуха капли на лобовом стекле текли горизонтально, ровно до тех пор, пока ленивые «дворники» не смахивали их с глаз долой. Мимо проносились зазывные неоновые вывески.

Лёха решил подвезти меня до дома. В дороге он времени не терял и продолжал разбор полётов.

– Деньги-то есть?

– Найдутся, работаю всё-таки.

– Прекрасно! Смени очки на контактные линзы, смени одежду. Возьми что-нибудь неброское, но стильное, сам не сможешь – продавцы бутика помогут, подберут на тебя. И вот ещё что: поработай над осанкой, а то вид у тебя какой-то забитый: согбенные плечи, низко опущенная голова, вечно руки в карманах. Ну-ка, расправь плечи так сильно, как сможешь, чтобы лопатки соединились. Во! Подними голову. Да нет, не запрокидывай её, просто держи ровно. Эй! Плечи верни в исходное положение! Во! Так и ходи. И постоянно себя контролируй. Пару дней так походишь, потом так привыкнешь, что для тебя это станет естественным.

Ты пойми простую теорию: успешный человек двигается и ведёт себя так, что у него и осанка прямая, и походка уверенная, на роже – лыба во все зубы, и голос властный. Потому что у него – всё замечательно! Отсюда следствие: если будешь вести себя уверенно, ходить с прямой осанкой, с широкой улыбкой на лице, то твой организм сам начнёт выработку гормонов счастья. А счастливому человеку всё даётся легко. И у тебя тоже всё будет замечательно! Понял?

– Понял.

– Всё, работай. Завтра я по делам улетаю, буду на следующей неделе. Бывай.

Домой я шёл с твёрдым намерением следовать всем указаниям Лёхи.

* * *

Спина, не привыкшая к таким нагрузкам, уже болела, но я упрямо продолжал контролировать расправленные плечи и высоко поднятую голову. До выхода из дома на работу оставалось полчаса, когда в дверь долго и требовательно постучали. Вроде бы даже ногами.

На пороге стоял Василий – мой сосед справа. Жил Вася с женой Катериной. У них два несовершеннолетних сына: тёзка мой – двенадцатилетний Серёжка и Петька – четырёхлетний вечно ноющий карапуз. Вася всегда находился в состоянии холодной войны с супругой. Холодная война довольно часто, когда Вася в очередной раз приходил в хлам бухим, вспыхивала в бурные скандалы, с битьём посуды и ломанием мебели. В такие моменты я включал музыку погромче, чтобы не слышать всей той грязи, которой воинствующие стороны обильно поливали друг друга. Жутким фоном ругани обычно служил хор плачущих Серёжки с Петькой.

– Сосед, одолжи стольник до получки.

Ох, Вася, Вася. Несколько раз в месяц сосед стабильно занимал у меня различные суммы денег. Как правило, с целью догнаться, или, что случалось чаще, опохмелиться. Деньги он иногда отдавал, иногда нет. На мои жалкие просьбы вернуть долг (а такое случалось, лишь когда я сидел вообще на мели) Вася чаще всего отвечал, что денег нет, всю получку паскуда Катька забрала.

Паскуда Катька денег мне не давала, мотивируя это тем, что Вася занимал, Вася нехай и отдаёт. Если же Катерина находилась в особенно плохом настроении, она говорила: «Ты, гад, б… моего мужа спаиваешь, а я ещё и денег тебе должна дать? Уйди с глаз моих, а то я за себя не отвечаю!». И самозабвенно трясла пудовыми кулаками. И я уходил, в очередной раз кляня себя за мягкотелость, с твёрдым желанием больше Васе денег не занимать.

Но Вася приходил снова, клялся и божился, что в последний раз, что деньги отдаст лично, с получки, с заначки, перезаймёт и вообще вернёт с процентами. С бодуна чего не наобещаешь, да? И я снова одалживал.

Как-то я сидел на балконе, а внизу у гаражей бухали какие-то мужики. Одним из них был Вася. Когда у мужиков закончилось пойло, они снарядили экспедицию в поисках лавэ на продолжение банкета. Идти вызвался Вася, а составить ему компанию вызвался Кецарик – мелкий плюгавенький мужичок, напоминающий Шарикова из «Собачьего сердца». Как звали Кецарика, не помнил никто, даже Вася. Но собутыльником он считался душевным, и его часто угощали.

У моей двери они остановились, и я услышал громкий шёпот.

– Кецарик, иди на пролёт вниз, а то этот шпендик испугается и денег не даст.

– А может, он и так не даст?

– Да даст, б…., он всегда даёт. Просить надо уметь.

Прошло минут десять (видимо, Вася ждал, пока Кецарик скроется из виду), потом Вася позвонил. Я открыл дверь и увидел Васю, напустившего на лицо скорбное выражение. Несмотря на то, что я от и до слышал его разговор с Кецариком, мне стало казаться, что у Васи действительно случилось горе.

– Серёга, брат, выручай! У Петьки Полкан под машину попал, надо срочно операцию делать! Иначе всё, кранты собачке.

Гордым прозвищем Полкан звали миниатюрную вредную собачку невнятной породы. Полкан этот вечно облаивал меня, норовя цапнуть за ногу, а когда раз в день его отпускали на выгул, он в нетерпении зачастую не дожидался улицы и опорожнялся прямо на мою дверь.

И я занимал. Потому что боялся конфликтов, боялся обидеть человека: мне проще и удобнее было дать Васе желаемое, чем сказать «нет» и захлопнуть дверь.

И вот всё повторилось. Снова скорбь на Васином лице, недельная щетина, слипшиеся мутные глаза, выпяченная нижняя губа и перезрелый перегар. Правая рука согнута, а ладонь повёрнута вверх – поза просящего милостыню. Васю шатает. В общем, Вася всё тот же. Но я-то – уже нет!

– Вася, ты долг принёс?

– Ы-м? Какой долг?

– Короче, Василий, ты мне уже должен больше трёх тысяч. Когда отдашь, тогда и поговорим.

Я захлопнул дверь. Почти ликуя, но всё ещё недовольный собой. Всё-таки надо было этого синяка ещё и в эротическом направлении отправить. А что? Ещё не поздно! Я открыл дверь, Вася всё так же стоял, но при виде меня его лицо расплылось в улыбке. Наверное, этот идиот решил, что я одумался и возжелал занять ему стольник.

– Серёга, друг, брат, займи, выручи по-соседски, – заканючил он. – Стольник всего-то!

– Знаешь что, Вася? Иди-ка ты на х..!

– Чего?

– Ты всё слышал. А если твоя вонючая псина, пожирающая собственное дерьмо, ещё раз обоссыт мне дверь – я её удавлю. А ты тут всё на площадке отмоешь. Понял?

Вот теперь можно захлопнуть дверь. Что я и не преминул сделать. Вид шокированной Васиной рожи стал для меня лучшей наградой.

Начинался новый день, впереди много целей, которых надо добиться, и задач, которые надо решить. Я не спал всю ночь, но ощущал такую лёгкость и бодрость, что всё казалось выполнимым. Жизнь перестала для меня быть серой и однообразной, на войне скучно не бывает.

Кирпич четвёртый

Я вышел из квартиры, захлопнул дверь. Тихо. Где-то внизу слышится мерный храп. Оппа! Так я думал: этажом ниже на площадке спит Вася собственной персоной. Из открытого рта натекло уже ведро слюней. Штаны в области паха подозрительно потемнели: никак обмочился Васютка. И вот с этим уё…. я не хотел ссориться?

Я осторожно, стараясь не задеть тело, перешагнул Васю и уже совсем было выкинул его из головы, как он ухватил меня за ногу. Я слегка напрягся.

Повернул голову и спросил:

– Что?

– Серёга, Христом Богом прошу, не пьянки ради, а здоровья для! – прохрипел Вася.

– Бог подаст. Ногу отпусти.

Вася обессилено откинулся, но рукой продолжал цепляться за штанину. Я выдернул ногу из цепких лап соседа и побежал вниз.

Вот это уже здорово. Раньше я долго объяснял Васе, почему я не могу занять, докладывал ему о своих покупках и тратах – происшедших и планируемых, – а потом всё равно занимал. Потому что Вася просто тупо кивал головой, стараясь показать, что да, конечно, Сережа, я тебя понимаю, вхожу в положение, но денег дай. И тупо клянчил, игнорируя все мои объяснения.

А как же всё проще на самом деле! Ещё вчера в «Кирпичах», когда мы пили пиво с Лёхой, он мне об этом рассказывал, но тогда для меня актуальнее были офисные проблемы, и я большего значения этим советам не придал. «Нет!». Одно слово. Или три: «Нет – и точка!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.